

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

ИВАН, ИСПУГАВШИЙ АННУ *Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I **

№ 54. «Богоизбранный правитель великороссийский, царевич и царь Алексей Петрович, сын императора Петра I» [6/20 декабря 1736 – 15 января 1738] – Иван Петров сын Миницкий

Сей персонаж был российским подданным, православным и, видимо, украинцем. Родился он около 1702 года на Волыни (тогда – часть Речи Посполитой) в местечке Сураж близ города Дубно на реке Икве. Как он сам утверждал, «отец де ево Пётр Миницкий – польской шляхтичь». Если это не фантазия, то Иван, очевидно, был незаконнорождённым. О его матери известий нет. Видимо, она была крестьянкой. Читать и писать будущий лжемонарх так и не научился.

На территории Российского государства Иван оказался в 1717 или 1718 году. «Как ис-под Дубнов стоящей российской, имянуемой бригадира Кропотова гранодерской полк¹ пошёл в Малую Россию, тогда де из воли своей, оставя отца своего, пристал он, Иван, оного полку к гранодеру Григорью Иванову сыну Соложёнкину в хлопцы (в услужение. – *О. У.*), и жил у него пять лет, и был с ним при оном полку в разных местах, а имянно в Харкове, в Козлове. И как ис Козлова оной Соложёнкин при оном полку пришёл в Старой Дуб (на земли Стародубского полка. – *О. У.*) и стояли на квартире в селе Шеповаловке (Шаповаловке. – *О. У.*), и тогда де по прозбе ево, Ивановой, оной Соложёнкин отпустил ево, Ивана, от себя на волю, где пожелает он жить». Это было примерно в 1722–1723 году.

Из Шаповаловки Иван отправился в расположенный неподалёку Максаковский Преображенский монастырь (территория Нежинского полка, Киевская губерния). Игумен Иосиф Белицкий его «определил для смотра того монастыря деревень». Он был «у того смотра лет з десять», потом возжелал идти «в Киев для моления», и его отпустили.

Весной–летом 1732 года он явился в Киево-Печерскую лавру и вновь принял обет послушания. Архимандрит Роман Копа отправил его «на конюшенной двор в конюхи». Через год по просьбе Ивана его перевели на рыбный стан, который назывался Шишовым и располагался «в ымеющихся озёрах вотчины Киево-Печерского монастыря» у села Вишеньки на Десне. Станом заведывал иеромонах Вонифатий. Миницкий «жил на том стану у него, Вонифатия, года з два и, живучи, пьянствовал многократно и ево... не слушал».

30 марта 1736 года произошло событие, перевернувшее всю жизнь нашего героя. Он приехал «в Киево-Печерской монастырь с рыбою, и будучи де в том монастыре в келье, которая имеетца при запасной полате... с вечера, как он, Иван, лёг спать, и во сне де привиделось, что явился ему... Иисус Христос». Господь ему повелел: «Поди де и явись мирови и объяви о себе, что ты большой человек и будешь правителем великороссийским». Однако Иван, «боясь о том объявить, содержал тайно и никому не сказывал». Но примерно 7–15 августа, когда он оказался в лавре опять, «во сне вторично привиделось явление Иисуса Христа и глас был ему: "Для чего де ты мирови не явишся и не поведаеш о себе? Аще де того не учиниш, то спасения не получиш!" Отныне мысль о российском престоле не давала Ивану покоя.

В сентябре того же года Вонифатий в Киеве объявил своему начальнику иеромонаху Иоакиму (в миру Якову Максимовичу), что Миницкий «бывает во иступлении ума и ничего не делает». Вонифатий попросил дать ему для работы инога послушника, и «вскоре из... рыбного стану... Миницкого взял... Иоаким в... Киево-Печерской монастырь и...

определил... команды своей к подполатному монаху Агафонику в послушание ж». Месяца через три и тот начал говорить, что Минецкий «бывает во иступлении ж ума и ничего не делает же». В Рождественский пост (15 ноября – 24 декабря) Агафоник Ивана «ис кельи (в которой он жителство имел) звал с собою для роздачи монахом и белцам хлеба и съесного харчу, и... Минецкой с ним не пошёл, и ис кельи не выходил два дни, и с ним... по спросу ево ничего не говорил, и молчал, яко изумлённой».

Иван вдруг стал считать, будто у него на спине «царский знак». На следствии он поведал, что об отметине ему сообщил Иоакинф после бани: «Поопасись, каже, ты – на спине де твоей имеетца знак креста, и для того де не ходи з другими в баню, что, увидя де то, возмут тебя в приказ». Иеромонах отрицал, что бывал когда-либо с Иваном в бане. Следователи осмотрели спину Минецкого, но на ней «никакова знаку не явилось... На что... Минецкий сказал, что сам он заподлинно о показанном знаке не утверждает, а уверяется де в том токмо на словах... Иоакинфа».

В декабре 1736 года в келье иеромонаха состоялось «проявление». Минецкий, как он потом вспоминал, «наодине

---

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1–3, 5, 7, 9–11; 2008. № 1, 4, 5, 7, 9.

¹ Неясно, какой драгунский гренадерский полк имеется в виду – Андрея Семёновича Кропотова или его брата Гавриила.

[с. 55]

сказывал... Максимовичю о... бывших ему, Ивану, во сне привидениях». Монах ответил, «что о тех привидениях посоветует он з братиею», и приказал, «чтоб он шёл в пещеры и мощам святым помолился и потом бы пришёл к нему, Максимовичю». Роман Копа одобрил действия Иоакинфа, так как в лавре было обычным делом посылать в пещеры тех, кто находился в «иступлении ума».

Ивана светским властям не выдали и даже не наказали. Он же это воспринял как благословение на самозванство. Он постоянно думал, «как бы ему явитца», и решил отождествлять себя с царевичем Алексеем Петровичем. Судя по всему, свою роль сыграла молва, что царевич не умер, а бежал из дворца и бродит по стране.

В тот же Рождественский пост Иван, вновь будучи у Иоакинфа, поведал ещё раз о своих видениях, «а при том при всём были того ж монастыря монахи и белцы». Ожидаемого эффекта самозванец не получил – ему не поверили и к царице не отправили. Он ушёл из лавры и в конце февраля 1737 года вернулся в Максакровский монастырь. Там он стал пьянствовать, за это его наказали плетьюми. Не стерпев, Минецкий в начале мая покинул обитель и направился к Вишенькам. Но там его не ждали. Особенно Ивана задело то, что «из оного Киево-Печерского монастыря одежды давать ему не стали». 30 июня в поисках лучшей доли он двинулся на юго-восток – в Переяславский полк.

В селе Любарцы (на реке Альте близ Переяславля) потаённый лжецаревич «пристал из найму для работы к... казаку Фёдору Кубраку» и жил у него до 1 октября. Потом жил «в оном же селе... из найму ж для молотьбы хлеба у казаков... дни по два и по три». 22 декабря «бывшей в селе Люберцах Переясловского ж полку сотни Барышевской посполитой² Пётр Мантанченко нанял ево, Ивана, к себе для работ» и отвёз в городок Барышевку. Минецкий обязался вместо него быть «подводчиком» в составе «партии» работных людей, посылаемых от Переяславского полка на Десну рубить лес, готовить плоты и препровождать их в Киев. Уже это говорит о том, что дела Ивана были плохи. Он по-прежнему ходил «в чёрной долгой монашеской свите».

27 декабря из Барышевки «партия» направилась на север. В ней было 180 человек. Начальствовал басанский (от села Басань при реке Токмачке) сотник Семён Климович.

Отрядом от Барышевской сотни руководил наказной сотник Андрей Полозок. Ему помогали наказной есаул Степан Гирбик и пять атаманов. Непосредственным командиром нашего героя был атаман Осип Кучаковский.

Вечером 10 января 1738 года работные люди остановились в селе Ярославце Бобровицкой сотни (от местечка Бобровицы на реке Быстрице) Киевского полка «и ожидали о порубке лесу указу». Близ Ярославца текла Воргла; отсюда до Глухова было 25 вёрст, до Киева – 77. Село принадлежало Киевскому Выдубицкому монастырю. Здесь же была почтовая станция, на которой несли службу шестеро солдат 3-й роты Новгородского солдатского полка. Этот полк участвовал в Русско-турецкой войне 1735–1739 годов, но той зимой отдыхал. Климович обосновался на «монастырском дворе» в полуверсте от местного храма. «Команда» самозванца стала на другом конце села – во дворе казака Павла Малмеги.

11 января после обеда хозяин дома, Кучаковский, Миницкий и ещё один казак пошли в корчму. Иван с атаманом шли отдельно, и тут Кучаковский услышал: «Я де ваш настоящий царевич российской, и не Иваном де меня будут звать». При этом прозвучал и запрет разглашать о самозванце. В шинке на четверых была выпита кварта (почти литр) водки, после чего Малмега и казак ушли. Вскоре к Миницкому и Кучаковскому подсели Полозок и три казака. Была куплена вскладчину ещё одна кварта водки, и в ходе её потребления Иван сказал Полозку «вслух, токмо не пуще громогласно», что он царевич Алексей Петрович.

На ужине в доме Малмеги Иван возвестил членам команды, а также хозяину и его сыну Тимофею, что перед ними царевич Алексей Петрович. Находившемуся тут же Полозку он велел оповестить Климовича. Тот «приказал... Полозку положить на ноги... Миницкого колодки и поставить казаков доволное число на караул до утра, а поутру привести... Миницкого к нему». Но Иван уже вошёл в раж: «Я де царевич Алексей Петрович, и ходил де скрытно, и много нужды принял, а ныне де пришло время явитца!» Потом он спросил: «за что де ему... на ноги ево колодки класть? Он де и бес колодок никуда не денетца, вет де на то он и оказался народу, чтоб более ему не скитатца». И тут Полозок, «простотою своею поверя... Миницкому, что он подлинно царевич Алексей Петрович, колодок на ноги положить не посмел».

Впрочем, Андрей решил подстраховаться. Получив согласие «царевича», он через Гирбика велел своим атаманам, «чтоб с куреня привели казаков на караул по пяти человек». Очень скоро у самозванца уже было не меньше полусотни сторонников. Двадцать из них (команда Кучаковского) находились при Миницком в доме и по очереди стояли «в ызбе у дверей». Остальные с копьями несли службу «на дворе у окон». Когда прибыли первые пять караульщиков с атаманом Осипом Колтуном, виновник переполоха взял хозяйский мушкет, «и зарядя, ис той избы в окно на улицу выпалил дважды» – для того, чтобы все жители села и все приезжие «могли о нём, Миницком, уведать, что он... якобы подлинно царевич Алексей Петрович».

Несмотря на полночь, лжегосударь отправил хозяйского сына и одного казака за местным попом Гавриилом Могиллой. Того разбудили и сказали, чтобы он встал и шёл с ними: «Есть де у нас явление». Вместе с Гавриилом пошёл и ночевавший у него пономарь Иван Швачка.

Когда священник вошёл в избу Малмеги, самозванец восседал в переднем углу. Иван подозвал гостя и заявил: «Я де царевич Алексей Петрович и хожу многия годы в ниществе. Поди де, батюшка, объяви в церкви пред всем народом. Хотя де мне смерть или живот будет, толко б всем явно было, что я царевич Алексей Петрович подлинно. А как де сие дело пойдёт и Господ подаст мне щастие, я де тебя тогда не оставлю. И завтре де соберу я здесь всех людей и салдат, кои стоят на почте, и приду к тебе в церковь, а ты де, батюшка, в то время встретить меня со крестом и с херуговми. Понеже де пишет обо мне, а кто, не сказал, чтоб я явился в Москве со болгары, однако де всё равно что вместо болгар с малороссийским народом в Москву явлюсь". И... поп, поклонясь... сказал, что он ево, Миницкого, во всём слушать готов». Но на его лице витала тень сомнения. И тогда «Миницкой говорил... Могиле, что ежели де он... в церковь ево... не пустит и царевичем признавать и по приказу ево исполнять не будет, то он, Миницкой, ссечёт ему... голову». Гавриил испугался и

проникся доверием к самозванцу. Полозок послал «на квартиру свою казака» за угощением – печёной рыбой, и они втроём, «сидя за столом, оную рыбу ели».

Засим самозванец отправил Малмегу за местным атаманом Иваном Краснощёковым. Оба они явились часа в три утра. Краснощёков уже знал, что вызван «царевичем», и по пути сообщил о нём хорунжему Никифору Кравцу, казаку Демьяну Кучменко и церковному дьячку Фоме Фомину. Все они и пришли к Миницкому. Тот им сказал, что он царевич Алексей Петрович. Гости молча поклонились ему в пояс. Миницкий далее спросил, кто их начальник и где живёт. Узнав, что бобровицкий сотник Василий Косташ обитает от села в десяти верстах,

---

² Посполитые (посольство) – украинские крестьяне (тогда ещё лично свободные) на частных или войсковых землях.

[с. 56]

самозванец велел ехать к нему и передать приказ, чтобы тот взял «сотенное знамя и казаков», а также «какой-нибудь кафтан» и «корету» лично для Миницкого, и срочно прибыл в Ярославец.

Краснощёков, Кравец, Кучменко и Малмега прибыли в Бобровицу перед рассветом. Косташ отнёсся к новости с большим недоверием, крестился и говорил: «Разве де у вас чорт явился! Откуда де взятца царевичю? Я де давно знаю, что государь царевичь умре». Посланники ушли ни с чем.

Тем временем лжецаревич отправил Гирбика с казаком за «почтовыми» солдатами, «дабы они стояли у него... на карауле с ружьём и не выдавали б басанскому сотнику Климовичю, ежели о нём, Иване, уедав, пришлёт брать ево за караул». Когда явились первые три солдата, служивые «в землю поклонились и стояли на коленях». Старший – Осип Стрелков – с воодушевлением ответил: «Когда де мы о сём услышали, то де хотя до болших наших бояр дойдёт и хотя ж де донесётца и самой государыне императрице, мы де готовы за тебя стоять!» При этом он заплакал. Самозванец воодушевился: «Я де вашу нужду знаю. Будет вам вскоре радость – с турком заключу мир вечно, а вас де в мае месяце нынешнего году все полки пошлю и казаков в Польшу и велю всю землю огнём сжечь и мечем рубить».

Вскоре пришли ещё три солдата и сменили товарищей. Явился к Миницкому и Полозок. Он вторично посетил Климовича и получил приказ привести самозванца под караулом. Выйдя во двор, Иван попросил солдат вновь примкнуть к ружьям штыки и проводить его до Климовича. По улице он шествовал бок о бок с Полозком, «а по сторонам де шли... салдаты». Позади двигались Кучаковский со своей командой, другие работные люди и местные жители. Иван планировал зайти в храм, а потом объявить Климовичю «о себе, что он царь Алексей Петровичь, и хотел ево звать с собою в Москву, а буде б не пошёл, то думал того сотника силою к тому привезть». Процессия постоянно росла и у церкви насчитывала уже «блиско тысячи человек».

Поп ещё служил заутреню, когда к нему обратился пономарь: «Что де ты заутреню поёшь? Веть де царевичь Алексей Петровичь с вооружёнными салдатами и казаками идёт уже к церкви!» Гавриил прекратил службу, велел зажечь перед образами свечи и отворить ведущие в алтарь «царские двери». Потом, «облачась во всё священное одеяние, как подобает литургию служить, взяв с престола животворящий крест и положи тот крест на блюдо, вышел из церкви на паперть. А по приказу де ево за ним... вынесли из церкви двое человек... херугови, и по ево ж, Гавриила, приказу при оной церкви учинён звон в колокола». Подходя к церкви, Миницкий велел солдатам быть у храмовых дверей на карауле, а после окончания молебна выстрелить из ружей один раз «для знания о нём». Под пение дьячков («Благословен еси, Христе Боже наш, иже премудрая ловцы явлен») лжецаревич,

взяв с блюда крест, «к тому кресту приложился, а потом и... попу Гавриилу, держа... крест в руках своих, дал приложится ж; и как... поп ко кресту приложился, то... Миницкой со оным крестом пошёл в церковь». Полозок отправился доносить Климовичу, что солдаты не дали ему схватить самозванца, но тот нынче в церкви. Пока начальник собирался и созывал верных людей, извetchик присоединился к сподвижникам.

То, что утром 12 января 1738 года творилось в ярославецком храме, один из солдат позже описал так: «Близ Киева явился царевич... и с ним де, Маскуриным, ефрейтор да салдаты да черкасов с тысячу человек были в церкви у присяги». Храм был заполнен до предела. Пока звучал канон Богородице, «весь бывшей тогда в церкви народ подходили к... Ивану и к имевшему в руках ево означенному кресту прикладывались, а у... Ивана целовали руку... И... на эктении... Гавриил возглашал тако: "Помолимся Господеви о благоверном нашем государе царе Алексее Петровиче, и о государыне императрице Анне Иоанновне, и о государыне цесареве Елисавете Петровне, и о государыне принцесе Анне!"»

Полозок, «подошед, говорил... Миницкому: для чего он так делает? И Миницкой де говорил... тако: когда б де при нём теперь была сабля, "то б де я тебе и сотнику твоему... срубил головы, что не дают де мне воли в отцовщине моей". И... Полозок, убоясь... Миницкого, что простотою де своею по словам оного... признавал он того Миницкого заподлинно государем царевичем Алексеем Петровичем, отошед от него, стал в олтаре».

Когда священник начал шестую песнь акафиста, к церкви прискакал Климович «со многими казаками». Узнав, что «человек, называющейся царевичем», в алтаре, он вошёл туда «в ымеющихся в стороне... царских дверей другие двери» и «говорил... попу Гавриилу: для чего он так делает, что для плута служит акафист? И поп... Климовичю сказал: "Я де и сам не знаю, что сие зделалось". И Климовичь де, взяв оного Миницкого за кафтан, вывел из олтаря и из церкви вон и, бив того Миницкого палкою, повёл на квартиру свою». Что интересно, при задержании самозванца «салдаты и никто за него, Ивана, не стояли и драки никакой не имелось». Правда, вслед за Климовичем потянулся народ, но сотник «народ палицею разогнал». Затем он привёл лжецаревича на монастырский двор, «положил на ноги ево колодки и содержал под караулом». Отдельно был взят под стражу и священник.

Утром 13 января самозванца в колодках повезли в Переяславскую полковую канцелярию. 15 января он дал там первые показания и отрёкся от мифической ипостаси. Его этапировали в Петербург, и 2 февраля он был уже в Тайной канцелярии. Следствие велось также в Переяславле, Нежине, Киеве и Москве. По делу проходили более 60 человек; из них 11 были приговорены к смертной казни. Миницкому и Гавриилу (уже расстриге) была уготована самая мучительная и позорная кончина. Приговор от 29 августа 1738 года предписывал сначала «вырезать у них языки», а потом, «зделав удобные столбы, казнить смертью: посадить их на тех столбах живых на колья в... селе Ярославце... при надлежащей публике». Это было исполнено 7 октября на глазах множества людей, значительную часть которых принудили явиться.

Варварский и подчёркнуто демонстративный характер этой казни объясняется страхом, который охватил царицу и её приближённых, когда они узнали о событиях в Ярославце. На Украине было и так неспокойно. С 1734 года ею управлял не выборный гетман, а назначенный царицей президент «правления гетманского уряда» (имперский чиновник). К тому же шла война с Турцией, весьма обременительная для Малороссии. Миницкий чуть не стал предводителем большого отряда вооружённых людей. Будь он удачливей, не исключено, что на Украине родилось бы крупное восстание. Но пронесло...

Источники

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1–2; Ф. 7. Оп. 1. Д. 266. Ч. 19. Л. 39–40; Ч. 20. Л. 4–5, 44, 136, 159–165; Ч. 21. Л. 9–15 об.; Ч. 24. Л. 21–25, 56–57 об., 83–84 об.; Ч. 25. Л. 49–54 об.; Ч. 41. Л. 99–99 об.; Ч. 48. Л. 198–198 об.; Д. 272. Ч. 16. Л. 81–81 об.

Полное собрание законов Российской империи. Т. 10. СПб. 1830. № 7653. С. 608–614.

Литература

Разорёнова (Козлова) Н. В. Из истории самозванства в России 30-х годов XVIII века // Вестник Московского ун-та: Серия «История». 1974. № 6. С. 62–67.

Соловьёв С. М. Соч.: В 18 кн. Кн. 10. М. 1993. С. 645–646.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. 1967. С. 128–129.

[с. 57]
